

Что делалось на Волге и Оке, почти не известно, кроме того, что ко времени Рюрика было уже Ростовское княжество.

ГЛАВА 11

ПОЯВЛЕНИЕ ПИСЬМЕННОСТИ У РУСОВ

В 790 году (по Карамзину) произошло событие в Таврике, положившее начало большому изменению в судьбах Сурожской Руси и создавшее «русскую» письменность, основу для христианизации русских племен, развивавшейся очень медленно. Событие это произошло с Софийском соборе в Суроже при тогдашнем епископе Сурожском Филарете, крестившем русского князя Бравлина со всей его свитой. Князь тамошних языческих русов (в самом Суроже русы уже были христианами) Бравлин, объединив русколан и тавро-«скифов» с их городом Неаполисом (Скифским), захватил под свою власть всю территорию от Корсуни до Боспора, объявив себя князем русов (Неаполь в переводе значит Новгород). Осадив Сурож, он ворвался в Софийский собор.

Далее цитируем из труда современного крупного археолога, специалиста по археологии Таврики А. Л. Яковсона*.

«В Житии св. Стефана Сурожского (умер в конце VIII века, после 787 года, то есть даты 7-го Вселенского собора, участником которого он был) сообщаются факты, относящиеся к первым десяти-

* Яковсон А. Л. Раннесредневековый Херсонес. АН. Мат-лы и иссл., 1959, № 63.

летиям IX века, где Таврика прямо названа ареной действий Руси: «По смерти же святого, мало лето мину, прииде рать велика рускаа, из Новограда князь Бравлин силен зело, плени от Корсуни до Корча (Керчи) с многою силою прииде к Сурожу». В последнее время достоверность сообщения Жития Стефана Сурожского о русском походе в Таврике, в первых десятилетиях IX века, не вызывает сомнений» (с. 51).

Сделаем оговорку: Якобсон говорит о власти князя Бравлина в первые десятилетия IX века, на основании каких данных? Это только его предположение. Между тем точно известно, что св. Стефан должен был покинуть 7-й Собор из-за болезни и возвратиться в Сурож, так что подписал постановления Собора его заместитель епископ Кирилл. По возвращении же вскоре и умер и, как чудотворец еще при жизни, был похоронен в самом Софийском соборе, где «мало лето мину после смерти прииде рать великая», то есть это могло быть в 790 году, когда появилось Евангелие на роуськом языке для крестившегося князя и его свиты, но переведено оно было с греческого безусловно раньше св. Иоанном Тавроскифским (Готфским). Во всяком случае, в 790 году оно стало всем известно.

Далее процитируем по «Русско-византийским исследованиям», вып. 1 (СПб., 1893, с. 147):

«После десятидневной осады Бравлин ворвался в город и вошел, разбив двери, в церковь св. Софии. Там, на гробе св. Стефана, был драгоценный покров и много золотой утвари. Как только все это было разграблено, князь разболелся, обратился лицо его назад и лежа пены течаще, возопи глаголя: «Велик человек свят иже zde». Князь

приказал боярам принести похищенное обратно к гробнице, но не мог встать с места. Снесены сюда же были и все священные сосуды, взятые от Корсуни до Керчи. Князь оставался в прежнем положении. Св. Стефан предстал пред ним в видении («в ужасе») и сказал: «Если не крестишься в моей церкви, не выйдешь отсюда». Князь согласился. Пришли священники во главе с архиепископом Филаретом и крестили исцеленного князя вместе со всеми боярами, взяв обещание с них — отпустить всех христианских пленников».

Сколько времени продолжалось это временное княжение Бравлина в Тавроскифии, неизвестно. В дощечках сообщается, что Бравлин ушел на север. Во всяком случае, внука этого Бравлина, тоже с именем Бравлин, мы встречаем уже в Киеве, где он собирал морской поход на Амастриду в 810 году. Христианином Бравлин Младший не был.

Св. Стефан Сурожский и св. Иоанн Тавроскифский оба были деятельными участниками 7-го Вселенского собора, утвердившего иконопочитание, поборниками чего были оба этих святителя. Они не только современники, но и друзья, трудившиеся над распространением христианства в Сурожской Руси и вообще в Таврике. Св. Иоанн создал роуськую письменность, а св. Стефан, обратив князя Бравлина в христианство, создал предпосылку для его широкого распространения среди русов. Несмотря на отчаянное сопротивление греческой администрации, и государственной и церковной, их труд не пропал бесследно: епископ Николай Тмутарханский был впоследствии подчинен Киевской митрополии, а первые крестители и просветители Киевской Руси вышли именно из этой русской церковной среды Таврики, принес-

шие на Русь уже очень высокую духовную культуру и исключительно глубокое богословие: Иоаким Корсунянин, первый епископ Новгородский, просветитель Новгородской земли и ее первый историк; Михаил, первый святитель Киевский, и Илларион, митрополит Киевский, глубочайший богослов и первый киевский историк, выходец из Тмутарханской епархии.

Почему св. Стефану так хотелось, чтобы русский князь Бравлин оставил язычество и принял христианство? Не ради же того, чтобы были возвращены все церковные ценности, они и так уже были возвращены. Святитель Божий хотел положить крепкое начало русскому христианству, чего так горячо хотел его друг рус св. Иоанн. Логически рассуждая, можно прийти к заключению, что это было его кровное дело, дело его сородичей. Для них обоих было в перспективе более широкое распространение христианства в Сурожской Руси. Св. Иоанном Тавроскифским было применено в церковной практике переведенное им Евангелие и Псалтирь с греческого языка на роуський в 790 году. Так что Новгородская рукописная летопись, которой пользовался Карамзин и из которой взял эту дату, — совершенно правильная. Автору Новгородской Иоакимовской летописи епископу Иоакиму Корсунянину эта дата была, конечно, хорошо известна.

А то, что эту выписку Карамзина игнорировала господствовавшая тогда в правящих кругах норманнская теория, вполне понятно, потому что это в корне подрывало и норманизм, и официальную дату начала письменности на Руси.

То, что св. Стефан был причислен к лику святых (как чудотворец еще при жизни), вскоре пос-

ле его смерти, для VIII и IX веков не было удивительным, такая практика канонизации тогда существовала, и как на другой пример этого можно указать на канонизацию св. Ангария Гамбургского, который умер в 865 году, а в следующем году был уже причислен к лику святых.

Укажем на удивительное и странное сопоставление: у обоих их нет не только даты рождения, но и даты смерти, а в святцах указан только VIII век, конечно, девяностые годы VIII века, потому что они оба присутствовали на 7-м Вселенском соборе 787 года. Почему же скрыта их дата смерти? Иначе назвать это нельзя, получается, что Жития есть, а даты смерти нет. В то же время даты смерти всех других святых VIII и IX веков есть и указаны точно.

Выдача св. Иоанна была позором для Византии, выдавшей его врагам — хазарам, это вполне понятно: все русское надо было останавливать и предавать забвению, но это обстоятельство наводит на мысль, что и св. Стефан Сурожский тоже был рус, может быть, только по матери или отцу, потому что Сурож — это столица Сурожской Руси.

Не постеснялись же греки-митрополиты уничтожить Житие нашего первосвятителя Михаила Киевского, потому что он был не грек и подчинялся болгарскому патриарху. Ведь нужно знать всю историю притеснения греками всего русского в Таврике: запрещение учить детей русской грамоте, непосвящение русов в епископы для самих же русов, долгие столетия только греки были на киевской кафедре, резкое сопротивление канонизации св. Владимира и св. Ольги, с подделкой их Житий и т. д.

Конечно, годы канонизации св. Иоанна и св. Стефана и годы гонений на все русское имеют большой и существенный интервал в настроениях византийских властей к русам и перелом этот произошел уже после появления роусьской письменности, Бравлинского захвата власти в Таврике и особенно после учиненного погрома русами Амастриды (порт на южном берегу Черного моря).

Греки испугались всего русского и всячески старались после этого умалить их значение, требуя от киевских князей невмешательства в жизнь Сурожской Руси, но все их усилия были тщетными: Тмутарханское русское княжество поглотило все бывшее Боспорское царство и Боспор назвало Корчевом, а греки в императорских указах именовали этот город Россией, уже заискивая перед княжеством русов.

ГЛАВА 12

ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ И ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ РУСОВ

Заканчивая обзор доисторической Руси и подходя к границам уже исторической Руси во времена Аскольда, оглянемся далеко назад, насколько позволяют нам археологические открытия последнего времени, и проследим территориальную и государственную преемственность русов.

Начнем издалека, когда еще невозможно было говорить об отдельных нациях, когда на территории юга Русской равнины был только один народ, одна неолитическая культура Триполья.